

КМ СТАНІОКОВИЧ

ПРИМІТКА: СТАНІОКОВИЧ

Константин Михайлович Станюкович

Танечка

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137548

*К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 2:
Издательство «Художественной литературы»; Москва; 1988*

Содержание

I	4
II	10
III	18
IV	26
V	31

Константин Михайлович Станюкович Танечка

I

Профессор математики, Алексей Сергеевич Вошинин, высокий худощавый старик, с гривой волнистых седых волос, выбивавшихся из-под широкополой соломенной шляпы, окончил копаться в саду и, поднявшись на террасу своей маленькой, спрятанной в зелени дачи, уселся в плетеное кресло у большого стола, собираясь читать только что принесенные почтальоном газеты.

День стоял превосходный. Июльский зной умерялся близостью моря, с которого тянуло приятной свежестью. На небе ни облачка. Солнце ярко и весело глядело сверху, заливая блеском небольшой сад с липами, березами и рябинами, окруженный со всех сторон густым сочным кустарником, – чистый, посыпанный песком, пестревший массой цветов в красиво разделанных клумбах. Над ними заботливо жужжали пчелы и весело порхали бабочки, присаживаясь на цве-

ты. В золотистой дымке воздуха кружилась мошка. Воробьи задорно чирикали, храбро подпрыгивая на ступени террасы за хлебными крошками. Кругом царила тишина.

Прежде чем приняться за газеты, старый профессор поглядел и на даль тихого моря, и на чернеющие пятна фортов кронштадтского рейда, и на дымок виднеющегося на горизонте парохода, и на белую ленту дороги внизу, вдоль берега, и весь этот давно знакомый ему пейзаж, видимо, производил на старика тихое, радостное впечатление, словно при встрече с испытанным старым другом.

Вощинин любил эту местность, эти три, четыре десятка домиков немецкой кронштадтской колонии, уютившихся в садах, на небольшой возвышенности, над берегом Финского залива, в пяти верстах от Ораниенбаума. Эта окрестность Петербурга, относительно довольно глухая, не оравленная еще железной дорогой, музыкой, театром, многолюдством, разряженными дачницами и тщеславной суетой модных дачных мест, нравилась Вощинину своей тишиной и близостью моря, и он, вот уж пятое лето, проводил в этом месте вакации вместе с Танечкой, своей единственной дочерью, от недолгого и не особенно счастливого брака с ее покойной красавицей матерью.

Здесь профессор отдыхал от Петербурга: копался в

саду, с любовью ухаживал за цветами, бродил в ближнем лесу, сиживал на берегу моря, писал, не торопясь, давно начатый мемуар о бесконечно малых величинах, читал журналы и удил окуней на ряжах, забывая на все лето столичную сутолоку, университетские дразги и свой профессорский, подчас тесный хомут.

– А ведь хорошо! – невольно сорвалось с губ старого профессора.

И на его хорошо сохранившемся лице, вдумчивом и добром, опущенном большой седой бородою, придававшей профессору вид патриарха, засветилась тихая довольная улыбка, полная чарующей прелести кроткого, детски-наивного выражения.

Он повернул голову к открытому окну, выходящему на террасу, и громко проговорил:

– Не правда ли, чудный сегодня день, Танечка?

– Да, папа. Отличный день! – отвечал из глубины комнаты твердый молодой серебристый голосок.

– Что ж ты сидишь в комнате?

– Платье оканчиваю, папочка. Ведь ты обещал в воскресенье идти со мной в Ораниенбаум на музыку. Мы пойдем, не правда ли? – прибавила Танечка с нежной, ласкающей интонацией.

– Конечно, конечно, если тебе хочется! – ласково отвечал старик и в то же время подумал: «Что инте-

ресного находит Танечка на этой глупейшей музыке?»

«А впрочем, ей ведь скучно без развлечений... Молодость!» – тотчас же оправдал он Танечку.

– А ты что делаешь, папа?

– Сейчас буду газеты читать.

– Смотри, только не возмущайся!

– Постараюсь, Танечка! – весело сказал старик и прибавил: – Да что это Петра Александровича нет, Танечка?

– А не знаю.

– Уж не поссорились ли вы вчера?

– Я вообще не ссорюсь. Да и не из-за чего с ним ссориться!

– Обещал быть к часу и не приехал. Пожалуй, и совсем не приедет.

– Приедет! – произнесла Танечка с небрежной уверенностью.

Наступило молчание. Старик стал было читать телеграммы, но, не дочитав их, снова заметил:

– А славный человек этот Петр Александрович! Не правда ли, Танечка?

– Отличный, папочка. Такая же Эолова арфа, как и ты.

В молодом веселом голоске прозвучала едва заметная ироническая нотка.

Но старый профессор этой нотки не уловил и ожив-

ленно продолжал:

– И главное, Танечка, с сердцем человек. Нет в нем этого противного нынешнего индифферентизма... Искорка божия горит в Петре Александровиче, и чуткая совесть есть. Небось из него самодовольный ученый болван не вышел... Самомнением он не грешит и своего бога не продаст... Это, Танечка, дорогая черта.

– Влюблен ты в своего доцента! – со смехом проговорила Танечка... – Послушать тебя, так он совершенство...

– Совершенства нет, девочка, а что человек он хороший – это вне сомнения. И голова светлая!.. Работал-то он как, если бы ты знала!.. И всем обязан себе одному... Перед нашим братом профессором не юлил... Ни к кому не забегал... За все это я его и люблю. И он нас любит.

– Тебя в особенности, папа, – вставила Танечка.

– И тебя не меньше, я думаю. Пожалуй, и больше... Как ты думаешь, Танечка?

– Думаю, что ты ошибаешься. Со мной он больше бранится, папочка, и постоянно спорит.

– Горячий он, потому и спорит. А он привязан к тебе... А ты? – неожиданно спросил старый профессор шутливым тоном.

– К чему ты спрашиваешь? Точно не знаешь, что и очень расположена к Петру Александровичу! – спо-

койно ответила Танечка.

Старик профессор сконфузился и торопливо проговорил:

– К чему спрашиваю? Так, к слову пришлось, ну... ну и спросил.

И он решительно принялся за газеты.

Но читал он их сегодня рассеянно и, не dokonчив чтения, задумался.

II

– Ну, что нового в газетах, папочка?

С этими словами Танечка вошла на террасу и, приблизившись твердой, уверенной походкой к отцу, поцеловала его в лоб.

При виде своей Танечки старик весь просветлел. Во взгляде его светилось столько любви, восторга и умиления, что сразу было видно, что отец боготворил свою дочь.

Она вся сияла блеском молодости, свежести и красоты, эта невысокого роста, отлично сложенная, с пышными формами блондинка, лет двадцати двух, с красиво посаженной головкой на молочной, словно выточенной шее, с большими серо-зелеными глазами и роскошными золотистыми, зачесанными назад волосами, вившимися на висках. На ней было летнее голубое платье с прошивками на груди и рукавах, сквозь которые виднелось ослепительной белизны тело. На мизинцах маленьких холеных рук блестели кольца.

Наружностью своей она нисколько не походила на отца.

У профессора было сухощавое, продолговатое, смугловатое лицо с высоким лбом, из-под которого кротко и вдумчиво глядели темные, еще сохранившие

блеск глаза, и вся его интеллигентная физиономия дышала выражением той одухотворенности, которая бывает у людей мысли.

Чем-то слишком трезвым и житейским, законченным и определенным веяло, напротив, от всей крепкой, грациозной фигурки Танечки, от ее круглого хорошенького личика с родимыми пятнышками на пышных щеках, с задорно приподнятым носом и алыми тонкими губами, – от ее больших глаз, ясных и уверенных, во взгляде которых светился ум практической натуры.

Она стояла перед отцом свежая, блестящая, спокойно улыбающаяся, показывая ряд красивых мелких белых зубов, видимо привыкшая, что ею любуются, и сознающая свою власть над любящим сердцем старика. Что-то грациозно-кошачье было и в ее позе и в ее улыбке.

– Так что же нового в газетах, папа? – повторила она свой вопрос.

– Да ничего нового... Все одно и то же...

Присев к столу, Танечка взяла газету и с видимым удовольствием стала читать фельетон. По временам на ее лице появлялась улыбка.

– Нравится? – спросил профессор, не спускавший глаз с Танечки.

– Ничего себе... забавно!.. – ответила Танечка.

– Однако я тебе мешаю... Читай, а я пойду к себе...

позаймусь немного и сосну часок перед обедом...

И старик удалился, ласково погладив свою любимицу по ее золотистым волосам.

Оставшись одна, Танечка впилась в фельетон. Веселая, довольная улыбка не сходила с ее личика.

В саду раздались торопливые шаги. Танечка их услышала и отлично знала, чьи это шаги, но головы не повернула и еще более углубилась в газету.

– Здравствуйте, Татьяна Алексеевна, – раздался около нее радостный, несколько взволнованный мужской голос.

– Ах, это вы, Петр Александрович? – как будто удивилась она. – Здравствуйте! – любезно промолвила Танечка и, отложив газету, протянула свою маленькую белую ручку Поморцеву. Тот крепко сжал ее в своей широкой мясистой руке.

Поморцев был молодой, недурной собою brunet лет тридцати. Свежее, румяное лицо его, с мягкими чертами, было опушено вьющейся черной бородкой. Он выпустил руку хорошенькой Танечки и смотрел на нее через очки своими черными, бархатными глазами, словно очарованный. Восторг влюбленного сиял у него на лбу.

– Что так поздно?

– Задержали меня в городе, Татьяна Алексеевна! А то бы я, разумеется, поспешил надоесть вам! – го-

ворил он мягким приятным тенорком, благоговейно любясь Санечкой и нервно пощипывая дрожащими пальцами свою шелковистую бородку.

И, присаживаясь около Танечки, прибавил пониженным тоном:

– Если б вы знали, как вам идет это платье, Татьяна Алексеевна!

А его лицо как будто договаривало: «И как я вас люблю, милая девушка!»

– А вы думаете, я не знаю, что идет? Отлично знаю! – засмеялась Танечка.

– Не сомневаюсь.

– А папа вас ждал к завтраку – и уж думал, что вы не приедете.

– А вы, конечно, не ждали? – шутливо промолвил Поморцев.

– Конечно, нет! – ответила она, вздергивая кверху капризно головку. Этот надменный жест очень шел к ней.

На лицо Поморцева набежала тень. Он внезапно сделался мрачен и как-то весь съежился. Еще вчера ему сказали, что будут ждать его, а сегодня... «Нет, это невозможно... надо выяснить!» – подумал он и вдруг почувствовал себя глубоко несчастным.

А Танечка через минуту уже говорила:

– К чему мне было ждать? Я и так была уверена,

что вы приедете... навестить папу! – лукаво прибавила она.

И, словно пробуя свою власть менять состояние духа Поморцева по своему желанию, – власть, которою Танечка пользовалась широко, – она так ласково, так нежно взглянула на Поморцева, чуть-чуть щуря свои глаза, что Петр Александрович снова просиял, и снова надежда согрела его сердце.

Он помолчал и спросил:

– А вы не сердитесь на меня?

– Я? За что?

– За вчерашний спор... Я всегда наговорю лишнего.

– И не думала. Я в эти два года нашего знакомства привыкла к вашим обвинениям и знаю, что вам во мне все не нравится.

– Что вы, что вы, Татьяна Алексеевна!

И голос и лицо Поморцева протестовали против этих слов.

Но Танечка, как будто не замечая этого, продолжала:

– Я и слишком трезвая, холодная натура, я и кокетка... одним словом, я...

– Побойтесь бога!.. – воскликнул Поморцев, перебивая. – Ничего подобного я никогда не думал... Иногда, в минуту раздражения, срывались едкие слова, но разве их можно ставить в упрек?.. Я говорил и повторяю опять, что вы часто клеветеете на себя, представляясь не той, какая вы на самом деле...

– А какая я на самом деле? – спросила Танечка, поднимая на Поморцева свои ясные большие улыбающиеся глаза.

В качестве влюбленного Поморцев по отношению к Танечке совсем не пользовался высшим анализом и был слеп, как все влюбленные идеалисты, а потому восторженно прошептал, словно изрекая неоспоримую математическую формулу:

– Вы?.. Вы прелестное существо, лучше которого я не видал, Татьяна Алексеевна!

Танечка усмехнулась.

– Вот и пойми вас: то – прелестное существо, то... бессердечная кокетка!

– А, кажется, понять не трудно. Как вы думаете, Татьяна Алексеевна? – чуть слышно проронил Помор-

цев.

Ответа не было. Поморцев заволновался и совсем затеребил свою бородку.

«Необходимо теперь же все выяснить!» – думал он. Эта мысль не давала ему покоя и страшно пугала его. Как ответит Танечка? По временам ему казалось, что она более чем расположена к нему; по временам он думал, что она к нему равнодушна и только кокетничает с ним. Целый год он испытывает подобную ка-торгу: то верит, то сомневается. Надо покончить.

И он решительно сказал:

– Пойдемте гулять, Татьяна Алексеевна!

– Жарко! – лениво протянула Танечка.

– Недалеко, к морю... Там не жарко.

В голосе его звучала мольба. Лицо было серьезно.

– Пожалуй, пойдемте.

Танечка сходила за зонтиком, и молодые люди спустились к дороге, пересекли ее и пошли по густой, прохладной аллее к морю.

Сперва оба молчали. Поморцев шел, низко опустив голову, как человек, подавленный думами, или подсудимый в ожидании приговора. Танечка шла своей твердой, ровной походкой, чуть-чуть покачиваясь, и временами взглядывала из-под зонтика на Поморцева. Сегодня он был какой-то странный, не такой, как всегда. Танечка чувствовала по всему, что он позвал ее гулять для объяснения, и ждала его с любопытством. Ее интересовало, как он объяснится.

Это ожидание слегка взволновало и Танечку. Она стала напряженнее. Ясные и спокойные глаза ее ожились.

Поморцев поднял голову и взглянул на девушку. Ее сияющая красота словно ослепила его. Он отвернулся, стараясь пересилить овладевшее им волнение.

– Так вы не понимаете, Татьяна Алексеевна? А ведь, кажется, понять так легко! – вдруг заговорил он и стал как-то особенно внимательно смотреть себе под ноги. Голос его слегка дрожал.

– Чего не понимаю?

– Что я безумно вас люблю! – медленно, с трудом выговаривая слова, произнес Поморцев, не поднимая головы.

Прошло несколько мгновений, показавшихся молодому доценту бесконечными.

И наконец, точно поддразнивая его, Танечка сказала:

– Вы слишком впечатлительны, Петр Александрович, и любите страшные слова. А я им не верю.

Поморцев поднял голову и, недоумевая, смотрел на профиль Танечки. Казалось, он не понимал смысла ее слов.

А она, поникнув головкой, продолжала спокойнo-ироническим тоном:

– Вы немножко увлеклись мною... Это я знаю и это му верю... А вам кажется, будто уж вы безумно любите... Это мираж или, как вы выражаетесь, аффект, возведенный в куб... Лучше останетесь по-прежнему добрыми приятелями.

– К чему вы так говорите? К чему? – воскликнул, точно ужаленный, весь закипая, Поморцев. – Зачем вы рисуетесь напускным скептицизмом? Вы, в двадцать два года, не верите в любовь и называете ее аффектом? Вы просто издеваетесь надо мной. Как вам не стыдно, Татьяна Алексеевна!

Поморцев вдруг остановился, взял Танечкину руку и, придерживая ее, продолжал страстным шепотом, порывисто и торопливо бросая слова, словно боясь, что не успеет сказать всего, чем было переполнено

его сердце:

– Слушайте, милая девушка... Это не увлечение, не аффект... Я не юноша... Я проверял себя, и у меня не легкомысленный характер... Я люблю вас второй год... За что? Почему? Я не знаю, но чувствую, что люблю, что без вас жизнь теряет свою прелесть, и других женщин для меня не существует... Вы, одна вы, всегда и везде... О вас все думы... Люблю вас, какая вы есть... И ваш характер, и ваше дьявольское спокойствие, и ваши глаза, и ваши крошки руки, и ваш голос... Люблю и за то, что вы мучаете меня, вечно оставляя в сомнении... Люблю вас всю, всю люблю с макушки до пяток и не верю вашему безотрадному скептицизму, вашим взглядам на жизнь... Понимаете ли, не верю... Вы клеветеете на себя... Вы добрая, чудная, и я не могу вас не любить!.. – говорил он, и слезы стояли у него в глазах.

Нет такой женщины, которая не слушала бы с радостным чувством удовлетворенного самолюбия любовного признания даже от человека, к которому равнодушна, если только он не очень стар, не очень безобразен и не слишком глуп.

И Танечка, вся торжествующая и тронутая, с удовольствием внимала этой искренней и горячей песне любви. Каждое слово Поморцева ласкало ее, пробираясь к сердцу и волнуя молодую кровь. Глаза ее бле-

стели. Она вся притихла, словно очарованная.

– Теперь вы верите? Верите, что я вас безумно люблю? – допрашивал Поморцев, заглядывая Танечке в глаза.

– Верю! – проронила Танечка и пожала Поморцеву руку.

– А вы? Вы любите ли меня? Хотите ли быть моей женой?

Танечка тихо высвободила свою руку из горячей руки Поморцева и сказала:

– Я очень расположена к вам... Вы мне нравитесь, Петр Александрович, но я отказываюсь от чести быть вашей женой.

Поморцев безнадежно опустил голову.

– Решительно? – глухо промолвил он.

– Решительно! – твердо ответила Танечка.

Они повернули назад к дому.

– Вы не сердитесь на меня, Петр Александрович, – заговорила Танечка через минуту, увидав убитое лицо Поморцева.

– За что сердиться? – угрюмо вставил он.

– Надо быть благоразумным...

– Еще бы!

– Подумайте: у меня ничего нет и у вас ничего нет.

Молодой человек с изумлением взглянул на Танечку и, весь вспыхивая, проговорил:

– Как ничего?.. У меня уроки... Сколько угодно будет уроков, и наконец, не вечно же я буду доцентом...

– Меня не удовлетворит эта серенькая, полубедная жизнь, эти вечные заботы о завтрашнем дне... Довольно их... Я хочу спокойной, обеспеченной жизни... Я люблю блеск и роскошь... Вот такая я...

– Вы опять лжете на себя, Татьяна Алексеевна.

– Как видите, не лгу! Я выйду замуж только за богатого человека!

– Даже не любя его?

– Любовь понятие относительное... Я не такая идеалистка, как папа и вы! – прибавила Танечка. – Любовь проходит, а жизнь вся впереди...

– Да понимаете ли вы, что говорите! – воскликнул Поморцев, задыхаясь. – Вы собираетесь продать себя?

– Опять страшные слова?! – усмехнулась Танечка. – Я не собираюсь продавать себя, я просто разумно выйду замуж.

Поморцев все еще не верил. Он думал, что «преlestное существо» нарочно лжет, чтобы поскорее излечить его от любви. Он пристально посмотрел в ее хорошенькое личико. Ни признака волнения. Ни черточки стыда. Оно было ясно, спокойно и уверенно. Казалось, Танечка даже не понимала, что говорит безнравственные вещи.

Поморцев ужаснулся от этого открытия. Тоска и злоба овладели им. Он ненавидел и в то же время страшно любил эту хорошенькую блондинку, так жестоко разрушившую его иллюзию.

Когда они подходили к дому, Танечка мягко промолвила:

– Надеюсь, Петр Александрович, мы останемся друзьями? Вы не перестанете хоть изредка навещать нас?

– Я на днях уезжаю.

– Уезжаете?.. – удивилась Танечка.

– Да, к своим старикам, на юг.

Старый профессор ждал молодых людей на террасе и встретил их веселый и радостный. Тотчас же сели обедать. И только за столом старик заметил, что его молодой друг был мрачен, хотя и старался скрыть это, с каким-то ненатуральным увлечением рассказывая профессору о новых работах какого-то математика... Воцинин взглянул на Танечку. Та, по обыкновению, спокойно и приветливо исполняла обязанности хозяйки...

Вскоре после обеда Поморцев собрался уезжать.

– Куда вы? – удивился Воцинин.

– Нужно, Алексей Сергеич!

– Нужно, так не стану удерживать!

Поморцев угрюмо простился с Танечкой и стал бы-

ло прощаться с профессором, но старик сказал, что проводит его до дороги.

Когда они вышли за калитку сада и отошли от дачи, старый профессор спросил:

– Говорили с ней?

– Говорил.

– И что же?

– Отказала!

– Отказала? – с горячим участием переспросил профессор. – Ах как жаль, голубчик мой, как мне жаль... А я лелеял эту мысль... Думал: будем все вместе жить... Но почему она отказала?

– Почему?.. Пусть Татьяна Алексеевна вам сама лучше объяснит почему! – с сердцем воскликнул По-морцев.

И, вдруг спохватившись и жалея старика, прибавил:

– Впрочем, нет... Лучше не спрашивайте ее, Алексей Сергеич... Право, лучше не спрашивайте... К чему волновать Татьяну Алексеевну расспросами?.. Известно, отчего барышни отказывают нашему брату. Не любит!

– А мне казалось, что Танечка очень расположена к вам...

– Расположение не любовь... И мне казалось... Ну прощайте, дорогой Алексей Сергеич... Спасибо вам за вашу привязанность... Месяца два мы не увидим-

ся.

– Это что значит?

– Завтра еду к своим старикам.

Старый профессор горячо пожал руку своего молодого друга и сказал:

– А вы, голубчик, все-таки не унывайте... Еще, быть может, не все потеряно... Она передумает.

– Нет, все! – безнадежно ответил Поморцев.

«И для тебя она потеряна, бедный, славный старик!» – подумал Поморцев и пошел, не оглядываясь, по той самой дороге, по которой он еще недавно ходил радостный и полный надежд.

IV

Старый профессор все ждал, что Танечка скажет ему о предложении Поморцева и объяснит причину отказа. Ему казалось, что она была равнодушна к молодому человеку и подавала ему надежды. На основании этих заключений он и лелеял мысль о браке Танечки с Поморцевым, считая Поморцева прелестным человеком.

Но Танечка, по обыкновению приветливая, ласковая и внимательная с отцом, молчала, видимо избегая объяснения. Когда приходилось упоминать имя Поморцева, она говорила сочувственно, оставаясь совершенно спокойной. Крайне деликатный в таких делах, старик не только не спрашивал Танечку, но даже не позволял себе намека и делал вид, что считает внезапный отъезд Поморцева самым естественным делом.

Тем не менее молчание Танечки сперва очень обидело старика. Ему было больно, что Танечка таится от него. Могла же она открыться ему, своему верному пестуну и другу? Знает же она, как горячо и беспредельно любит он свою Танечку, и уверена, что никогда он не станет насиловать выбора ее сердца. Боже сохрани!

Но любящий старик, всегда как-то умевший оправдывать свою любимицу, и теперь старался объяснить ее молчание женской скромностью и вообще сдержанным, мало экспансивным характером Танечки.

«Это ее интимное дело, о котором ей, вероятно, неловко говорить и с отцом. Бог их знает, этих женщин. Они совсем особенные существа!» – думал старый профессор, очень мало знавший женщин, кроме одной, своей покойной жены, и, как добросовестный человек, не обобщавший по одному факту своих понятий о женщинах.

Объяснить себе как-нибудь иначе молчание Танечки он не умел. Не мог же он, в самом деле, подумать, что Танечка, его ненаглядная Танечка, которую он один пестовал и лелеял с десятилетнего возраста, не имеет доверия к отцу? Он не заслужил этого. Танечка, кажется, знает, что душа его открыта для нее. Он всегда, бывало, делился с нею впечатлениями, высказывал перед ней свою веру в людей, свои душевные мнения, поверял свои неприятности, искал ее сочувствия и одобрения и даже пускался перед ней в философские отвлечения. Старик любил их и был уверен, что и Танечке должно нравиться все возвышенное, хорошее и честное.

Не желая огорчать отца, Танечка внимательно иногда выслушивала старика и не всегда понимала его.

Она не охотница была до отвлечений и до серьезных бесед. Окружавшая ее с детства атмосфера, споры и разговоры мало влияли на Танечку, и она не любила ни серьезных занятий, ни серьезного чтения. Жизнь со всеми ее прелестями более занимала ее. Она окончила курс в гимназии и дальше не пошла. Отец, завзятый идеалист, в свое время пострадавший за свой образ мыслей, считал дочь умницей и вообще образцом совершенства и, раз составивши себе такое мнение с давних пор, продолжал смотреть на свою «девочку» глазами очарованного отца. Он страстно любил ее, никогда не анализируя, и не замечал, что то, что волнует его самого, оставляет ее равнодушной и безучастной. Увлеченный, он часто не замечал, что Танечка подавляет зевоту, слушая отцовские теории, стараясь свести разговор на более низменную почву. Это было какое-то ослепленное непонимание. Иногда его удивляло ее равнодушие к жгучим вопросам, ее скептическое отношение к людям, но он приписывал все это особому свойству ее ума, а страсть ее к удовольствиям и нарядам – молодости. Придет время, и все это пройдет.

Сам дитя в практических делах, простодушный и доверчивый, недаром прозванный Танечкой Эоловой арфой, старый профессор тем более удивлялся и приходил в восторг от трезвого, практического ума мо-

лодой девушки. Она редко ошибалась в людях и довольно тонко умела определять отношения. Наблюдательная и не особенно словоохотливая, Танечка отлично подмечала слабости и смешные стороны людей и, когда отец, бывало, принимался кого-нибудь хвалить, она подчеркивала недостатки. Отец горячо спорил. Дочь никогда не спорила, – она только констатировала, как она выражалась, слегка подтрунивая над увлечением отца. Это были диаметрально противоположные натуры.

Весь дом был у нее на руках. Танечка распорядилась всем, вела хозяйство в образцовом порядке, сама заказывала платье отцу, оплачивала счета его сапожника и выдавала профессору карманные деньги. Прежде, бывало, ему не хватало жалованья, – он как-то ухитрился раздавать деньги; но с тех пор как Танечка, по окончании курса, взяла бразды правления в свои умелые ручки, все пошло иначе. Им хватало на все, и Танечка всегда хорошо одевалась. Она постепенно отучила старика от раздачи денег.

– Нельзя же помогать всем бедным студентам, когда самим едва хватает. Мы совсем не богаты, папочка!

Так говорила Танечка, ласково улыбаясь своими ясными глазами, и отец невольно подчинялся ее неотразимым доводам.

Она пользовалась полной самостоятельностью и имела своих знакомых. Знакомые отца не удовлетворяли ее. Эти старые профессора и увлекающиеся студенты ей были скучны, как и их беседы. Ее тянуло к другим людям, и дома ей не сиделось. Когда профессор бывал на лекциях, она бывала в гостях или бегала по магазинам, возвращаясь к обеду домой, чтоб отцу не было скучно обедать одному. Раз в неделю они вместе с отцом ходили в оперу. Остальные вечера Танечка бывала или в театре, или у своих знакомых. Сам отец всегда предлагал ей развлечься.

«Она молода! – думал старик. – Со мною вдвоем коротать вечера ей скучно!»

Но, случалось, он сожалел, что ему приходится по вечерам одному наслаждаться чтением многих прекрасных вещей и что Танечки нет тут подле. Оживленная и нарядная, Танечка возвращалась из гостей, целовала отца и, присаживаясь, передавала свои впечатления, и старик забывал все, слушая остроумную, спокойно насмешливую болтовню Танечки о разных лицах, и весело смеялся, с восторгом любуясь своей умной «девочкой».

V

Лето кончилось. Стоял конец августа, ненастный и дождливый. Вощинины собирались переезжать в город.

Старик сидел как-то вечером в кабинете за книгой. Танечки не было дома. Она после обеда ушла в гости к одним дачникам, с которыми познакомилась летом. Не нравились профессору эти новые знакомые – Искерские, совсем не их круга, совсем других взглядов и привычек, праздные, богатые люди, жившие в недалеком соседстве, в собственной роскошной даче-особняке. Особенно не нравился Алексею Сергеевичу брат Искерского, господин лет за сорок, помятый, стареющий фронт, изрекавший с необыкновенным апломбом разные пошлости в современном вкусе. Он, видимо, щеголял и своими взглядами, и своими изысканными манерами, и своим фатовством и произвел на старого профессора отвратительное впечатление.

Вощинин отдал Искерским визит и больше не бывал у них, но Танечка в последнее время часто навещала Искерских; гуляла с ними, каталась в их экипаже, бывала вместе на музыке в Ораниенбауме.

Старику это казалось странным, но он, по обыкно-

вению, ничего Танечке не говорил.

Он взглянул на часы. Скоро восемь часов.

– Верно, Танечка к чаю вернется! – проговорил старый профессор.

И действительно, через несколько минут внизу раздался голос Танечки, и вслед за тем на лестнице слышались ее шаги.

Она вошла в кабинет. Старик отложил книгу и радостно взглянул на дочь.

– Папочка! Я пришла тебе сообщить очень важную вещь! – проговорила она необыкновенно серьезным тоном.

– Что такое, моя родная?.. Какая такая важная вещь?

– Сейчас Николай Николаич Искерский сделал мне предложение.

– И ты, конечно, отказала этому шуту гороховому, моя девочка? – смеясь, ответил старик.

– Нет, папа. Я приняла его предложение! – чуть слышно, но твердо произнесла Танечка.

Старик, казалось, не расслышал. Он во все глаза смотрел на Танечку. Лицо его выражало испуг и изумление.

– Что ты сказала, Танечка? – переспросил он.

– Я сказала, что приняла предложение.

– Тебе понравился Искерский... этот...

Он не досказал фразы.

– Неужели это правда, Танечка? Неужели ты предпочла его Петру Александровичу?

– У Поморцева ничего нет. Чем бы мы жили?

Старик слушал, пораженный и подавленный. Слова ее точно молотом ударили его по голове и разрывали бедное любящее сердце.

– А этот... господин Искерский очень богат? – глухо, с видимым страданием, произнес старик. – Ты, следовательно, собираешься выйти замуж по расчету. Ведь не могла же ты полюбить такого человека... Или полюбила? – ядовито прибавил он.

– Я его не люблю, но... но он не хуже других. Он вовсе не такой дурной человек, как ты думаешь, папа... Не всем же иметь одинаковые взгляды с тобой.

Старик все ниже и ниже опускал свою седую львиную голову, словно под бременем позора.

– Танечка, Танечка! – вдруг воскликнул он, и в старческом его голосе стояли рыдания, – ведь ты пошутила, моя голубка... Да? Ведь ты шутишь, не правда ли?.. Ведь ты не сделаешь такой гадости... Ты ведь не такая испорченная, моя девочка...

Танечка хранила молчание.

Отец взглянул на ее красивое личико, взглянул в ее ясные слишком ясные глаза и вдруг вспомнил свою покойную красавицу жену.

«Такая же! Такая же!» – пронеслось у него в голове и словно озарило ее неожиданным открытием. Гнетущая скорбь охватила его всего. Скорбь и презрение. Ему вдруг показалось, что перед ним не его любимая, взлелеянная девочка, не его славная, честная Танечка, а какая-то другая, чужая, злая девушка, которая пришла оскорбить его самые лучшие верования, осквернить самую чистую любовь.

И он совсем опустил свою голову. Ему было стыдно и больно взглянуть на дочь.

Несколько мгновений царило молчание. Старик точно окаменел в своем кресле.

– Так что же, папа, ты согласен? Может Николай Николаевич просить твоего согласия? – спросила Танечка.

– Делайте как знаете! – прошептал он.

Танечка ушла. Старик еще долго сидел в кресле, неподвижный, переживая свое горе. стакан с чаем стоял нетронутый на его столе. Уж стало светать, а старик все сидел, стараясь понять, как это Танечка могла такую вырасти у него на глазах. Не он ли сам виноват в этом? Или это знамение времени?

По временам он прислушивался к шороху, словно ждал: не придет ли Танечка, и не скажет ли она, что пошутила, что хотела только испытать отца. Но Танечка не приходила. Старик чувствовал, что отныне он

совсем одинок, и скорбные слезы незаметно текли из глаз профессора.